

Вместе с тем поморское *Costi ribya* как обозначение мамонтовой кости сопоставимо с представлениями сибирских аборигенов, согласно которым мамонт является обитателем водного мира, шукой *par excellence*. Анализируя гидроним *Весэ́мто*, название озера в верховьях Ваха, содержащее хант. *wes* 'мамонт', А.К. Матвеев коснулся традиционных хантыйских (с которыми сходны селькупские, кетские и др.) воззрений, касающихся этого ископаемого животного: «Мамонт живет в воде в глубоких местах. Он подкапывает берега рек и устраивает водовороты. У мамонта есть рога, которые он периодически сбрасывает. Мамонты не размножаются, в них превращаются старые громадные шуки, у которых растут рога и появляется шерсть»¹. Эти соображения, конечно, следовало упомянуть в статьях ЭСЗ *Вес*, *Коза́р*, *Ма́монт*.

В заключение хотелось бы упомянуть еще об одном факте, не нашедшем отражения в ЭСЗ. Томский диалектизм *а́дина* не подходит для его словника, непоследовательность которого справедливо критиковалась А.К. Матвеевым и А.Ф. Журавлевым. Тем не менее автору все же жаль (хотя бы потому, что рассматриваемое ниже слово одно время казалось ему селькупским заимствованием), что в ЭСЗ-2 не вошла статья, приводимая здесь полностью:

а́дина 'топкое место, болото' том. [КСРГС] // Производное с суф. *-ина* от сиб. *ад* 'болото' (в том виде в источниках как будто не представлено), ср. сев.-рус. *ад* 'непроходимая грязь', *адово дно* 'топкое вязкое место на берегу реки', отсюда топонимы *Ад*, *Адовая курья*, *Адово*, *Адово болото*², далее к рус. литер. *ад*, др.-рус. *адъ* < греч. [Фасмер, 1, 61]. «Думается, эксплицируемое по данным языка представление об аде как топком болоте имеет ошутимое национальное своеобразие»³ [досибирского происхождения].

Продолжать перечень разного рода упущений и недосмотров ЭСЗ-2 можно еще долго. Остается утешаться тем, что основной материал все-таки изложен, а также тем, что ЭСЗ-2 не стал простой перепечаткой ЭСЗ-1.

И.И. Муллонен

НАЗВАНИЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА В КОНТЕКСТЕ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ОБОНЕЖЬЯ¹

Название Онежского озера входит в число наиболее загадочных на Европейском Севере. Оно неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. Слабыми сторонами выдвигаемых ими интерпретаций, однако, всякий раз было отсутствие топонимического контекста, т.е. анализировался один отдельно взятый топоним, без ясного представления о том топонимическом фоне, на котором могло появиться это загадочное название.

Накопленные в последние десятилетия данные по топонимии Обонежья дают основание вновь вернуться к этой проблеме.

Во-первых, в топонимии Обонежья обнаружен надежный пласт названий (прежде всего гидронимов), интерпретирующихся на основе саамских языковых данных. При этом, судя по характеру вокализма первого слога, речь может идти о прасаамском или близком к нему языковому типу.

¹ Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997. С. 29.

² Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 273–274.

³ Там же. С. 273.

⁴ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-04-49006а.

Во-вторых, для названия Онежского озера удастся восстановить свой ряд, свидетельствующий о том, что перед нами не раритет, но подтвержденная неоднократно на территории Обонежья топооснова.

При интерпретации названия Онежского озера предлагается исходить из вепсского варианта *Ānine* ~ *Janine* (с основой *āniž-* ~ *jāniž-*), откуда фин. *Ääninen*, *Äänisjärvi*. Долгое *ā* в финском варианте – это дань народной этимологии, связывающей название с вепс. *āñ*, фин. *ääni* ‘голос’, *ääninen* ‘звучный’ (Фасмер вслед за Шренком и Mikkola), т.е. ‘шумное, бурливое, бурное’ озеро.

В *Ānine* выделяется две части: собственно топооснова *āne-* (~ *jāne-*) и *-ine* (~ *-iž-*), который может быть в принципе протимологизирован двояким образом. С одной стороны, речь может идти о деминутивном прибалтийско-финском суффиксе, бытующем в ряде древних лимнонимов (т.е. наименований озер) в ономастической функции, в частности, для адаптации иноязычных топонимов¹. Однако, с другой стороны, нельзя исключать того, что суффикс мог присоединиться (также в собственно ономастических целях, например, как элемент, замещающий собой детерминант) уже на доприбалтийско-финском этапе жизни топонима. В связи с возможной саамской интерпретацией топоосновы (см. ниже) наиболее естественно выглядит саамский деминутивный *-š*, родственный приб.-фин. *-ise* (вепс. *-iž-*). Конечное *-ine* в вепс. *Ānine* – это в таком случае уже результат собственно вепсского этапа в жизни топонима. Данное предположение поддерживается известными в южном Обонежье лимнонимами *Яргыш*, *Ландыш* и др., в которых конечный элемент *-(ы)ш* может интерпретироваться как саамский деминутивный суффикс.

Материалы топонимической картотеки Института языка, литературы и истории (Петрозаводск) позволяют рассматривать *Ānine* в ряду других топонимов, в которых представлены различные модификации топоосновы *āne-*. Среди них озеро *Āñjārv* ~ *Āñdārv* ~ *Jāñdārv* (рус. *Янезеро* ~ *Яндозеро*). Озеро расположено в верхнем течении Ояти, в окрестностях вепсского села Озера. Оно имеет довольно большие размеры, что подчеркивается названием примыкающего к нему с запада значительно уступающего в размерах озера *Vähārv* ~ *Vähārvut* (*vähä* ‘маленький’). В озеро впадает ручей *Āñoja* (рус. *Енуя*). Представленные выше фонетические варианты отражают закономерные для вепсского языка звуковые изменения, в частности, наращение *j* перед гласным переднего ряда в начале слова (*Jāñdārv*)². Появление *d* (*Āñdārv*) объясняется фонетистами или как закономерный звуковой переход *nj* > *nd*³, или как наращение своеобразной протезы *d* в позиции между *n* и *j*, которая, как известно, появляется и в некоторых других звукосочетаниях с начальным *n*⁴. Тункело не решает говорить о закономерности, поскольку сочетание *nj* чрезвычайно редко для прибалтийско-финской фонетики, а в вепсском и ему, и Кеттунену удалось обнаружить практически одну единственную лексику *mind* < *minj* ‘невестка’ с ним. Топонимические фиксации, как видим, способны расширить список примеров⁵, тем более, что на восточной границе Присвирья, в Шимозерье, расположено другое озеро под названием *Jāñdārv* (рус. *Яндозеро*), тоже отличающееся достаточно большими размерами на фоне окружающих мелких лесных озер (здесь укажем одно из них – *Pičjārv*, вепс. *pič(uine)* ‘маленький’, подчеркивающее эту разницу в размерах озер).

¹ См.: Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С.20.

² См.: Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki. 1946. S.573.

³ См.: Kettunen Lauri. Lounavepsä häälik ajalugu. I. Konsonandid. II. Vokaalid. Tartu. 1922. S.111.

⁴ См.: Tunkelo E.A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki. 1946. S.480.

⁵ Отмеченная фонетическая особенность отражается, видимо, и в вариантах *Аньяплесо* ~ *Антиплесо*, плес на р. Ивине в Северном Присвирье.

Характерно, что располагающийся по дороге к Яндозеру мыс на оз. Шимозеро называется *Jäinnet* (нет ‘мыс’): в позиции между двумя *n* закономерно не возникает необходимости в протезе *d*, и основа сохраняется в исконном виде.

Сопоставление всех имеющихся вариантов свидетельствует о вторичном характере *d*, появившемся в результате действия вепсских фонетических особенностей и закрепившемся затем и в русском варианте. Это обстоятельство заставляет внимательнее отнестись к истокам *d* и в других гидронимах на *янд-*, в частности, к названию довольно крупного южного притока Свири реки *Яндебы*. Конечное *-ба* – фонетический вариант гидроформанта *-ма*, появившийся на русской почве, очевидно, в результате диссимилиации носовых (ср. подобную трактовку, предложенную А.К. Матвеевым для *Андоба* < *Андома’). Формантом *-ма*, напомним, оформлены и другие потамонимы Присвирья, ср. *Каномы*, *Ягрема*, *Черема* и др. Река протекает в русском Присвирье, и в нашем распоряжении нет вепсского оригинала названия (хотя некоторые косвенные обстоятельства позволяют предложить его реконструкцию – см ниже).

В числе присвирских гидронимов есть еще несколько, которые могут входить в одно гнездо с представленными выше названиями. Это р. *Янасарь*, одна из наиболее крупных протоков в дельте Паши, руч. *Янручей* или *Яндручей* (нестабильный характер *d* в позиции между *n* и *p* прослеживается и в существовании вариантов *Ундручей* ~ *Унручей*, *Мунручей* ~ *Мундручей* и др.) в верхнем Присвирье, р. *Янега*, южный приток Свири. В последнем примере концовка может быть рудиментом вепс. *-jogi* ‘река’. Если это действительно так, то требует пояснения отсутствие *d* в позиции между *n* основы и *j* детерминанта. Во-первых, звукопереход *nj* > *nd*, видимо, действительно не носил строго обязательного характера (ср. в связи с этим бытование *Äñjävrv*). Во-вторых, прибалтийско-финский оригинал *Янеги* вовсе не обязательно был йотированным (т.е. *Jähjogi). Насколько позволяют судить присвирские примеры, здесь довольно последовательно происходило выпадение *j* в детерминанте *-jogi*: *Habjogi > *Habeg*, *Toijjogi > *Toižeg*, и др., т.е. превращение детерминанта в специфический формант *-eg*. Подобный процесс известен и финской топонимией².

Выстраивается, таким образом, ряд гидронимов, в которых представлены модификации основы *äne-*. Каковы же ее истоки? Представляя материал, мы обращали уже внимание на то, что всякий раз это наименования достаточно крупных водных объектов (на окружающем фоне), и это дает основание связывать топооснову с саам. *ædne*, современное значение которого ‘много’, однако первоначальное – ‘большой’³. Последнее сохранилось в диалекте колтта, а также в топонимах⁴. Интересны также производные от этой основы *N ædno* ‘главная река’, *Ko jeänna* ‘большая река, в которой есть озера’, *Lu ätnö* ‘река, стремнина’⁵, с которым могут быть связаны потамонимы (т.е. наименования рек).

Саамская лексема родственна приб.-фин. *enä* ‘большой’ и имеет общие с ней истоки. Однако фонетический облик топонимов, прежде всего качество начального *ä* (>*jä*), заставляет отдать предпочтение саамской, а не прибалтийско-финской этимологии. Приб.-фин. *enä-* отразилось, видимо, в таких присвирских гидронимах, как *Enojogi* ~ *Jenoja* ~ *Genoja* (рус. р. *Генуя*), *Enaŗv* (рус. *Вонозеро*). В русском Присвирье есть еще одно озеро с названием *Вонозеро*, в основе которого позволительно реконструировать

¹ Матвеев А.К. Костромское *Андоба* (к мерянской этимологии) // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда. 1995. С. 84–85.

² См. об этом: Nissilä Viljo. Suomalaista nimistöntutkimusta. SKST 272. Helsinki, 1962. S.92–96

³ См.: Károli Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988.

⁴ См.: Collinder Björn. Fenno-Ugric Vocabulary: An Etymological Dictionary of the Uralic. 1977. S. 32.

⁵ См.: Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 1–3. SKST 556. Helsinki 1992–2000.

вепс. *Enaŗv. Для такой реконструкции есть как фонетические (закономерная для древнерусского времени передача приб.-фин. *e* через др.-рус. *o* с последующим наращением протезы), так и географические основания: на фоне окружающих лесных озер Вонозеро является действительно большим. Случайно ли то, что из этого озера (*Enaŗv) вытекает река под названием *Яндеба*, или между этими двумя топонимами существует глубинная связь: например, лимноним является вепсской переводной калькой саамского оригинала, сохранившегося в потамониме¹? В прасаамское время в праприбалтийско-финско-саамской лексеме *enā произошло определенное расширение звучания начального гласного *e в **ε*², давшего *æ*, *eä*, *ä* в современных саамских говорах. Видимо, он (в праязыковом или в отражающем последующий этап фонетического развития варианте) и мог восприняться прибалтийскими финнами как звук, близкий к *ä* (в отличие от своего исконного *e*). Заметим в связи с этим, что финляндский исследователь Алпо Раясянен считает возможным возводить ряд гидронимов Северного Приладожья с основой *änä-* к саам. *ædne* 'большой'³. С другой стороны, отличие в качестве саамского и прибалтийско-финского звуков, видимо, не было слишком велико. Надо полагать, что в некоторых случаях саамское *ε (*æ*, *eä*, *ä*) могло соотноситься и с приб.-фин. *e*, особенно если речь шла об этимологически общей основе с достаточно близким звуковым обликом. Трудно представить, чтобы воспринявшие многочисленные лимнонимы от предшествовавшего населения вепсы последовательно давали свои имена таким крупным присвирским озерам, как *Enaŗv* (*Вонозеро*) и *Вонозеро* (< *Enaŗv). Логичнее думать, что последние достались в наследство от предшественников и были соотнесены с фонетически и семантически близкой прибалтийско-финской основой *enā-*.

В этом контексте позволительно предполагать, что название реки *Яндебы*, вытекающей из оз. *Вонозеро* (*Enaŗv*), в действительности носит вторичный характер и восходит к древнему лимнониму – саамскому наименованию большого озера, являющегося истоком реки, что вполне укладывается в ономастические закономерности. Присвирская топонимия являет неоднократно примеры того, что наименования рек, даже значительных, восходят к лимнонимам. Правда, в такой ситуации требует объяснения появление *ä* в основе *янд-*. Здесь можно выдвинуть два предположения: или *nj* > *nd* было присуще тому древнему саамскому диалекту, который бытовал в Присвирье (формант *-ма* должен был, по нашим представлениям, присоединиться на довепсском этапе существования потамонима), или на формирование облика потамонима повлиял на каком-то – уже вепском – этапе предположительно бытовавший наряду с *Enaŗv вариант *Enjāŗv > *Endāŗv, так сказать, по созвучию. Оба варианта не слишком устраивают своей и неопределенностью, и сложностью, однако, в связи с тем, что данный конкретный пример, кажется, подтверждается и другими, в которых основа *янд-* фиксируется в наименованиях наиболее крупных, заметных водных объектов (ср. в связи с этим название самого крупного внутреннего озера в южном Заонежье – *Яндомозеро*, из которого вытекает р. *Яндома*, впадающая к тому же в залив под названием *Великая Губа*(!), не отличаю-

¹ Ср. аналогичный показательный пример с территории Кенозерья, где из озера *Большое* вытекает руч. *Ендручей*. В таком контексте название озера представляется очевидной переводной калькой, указание на оригинал которой сохранилось в наименовании ручья *Ендручей* (*ä* в основе может иметь либо такие же вепские протетические истоки, как в присвирских примерах, либо объясняться – тоже как протеза – на русской диалектной почве).

² Обращение к возможному праязыковому качеству звука продиктовано как хронологией «саамско»-вепсского контактирования в Присвирье, так и наличием ряда других фонетических обстоятельств, в частности в области вокализма, интерпретирующихся как прасаамские.

³ Räsänen Alpo 1995 – Kainuun saamelaipeäisiä paikannimiä // Virittäjä. 4. S.532–544.

щийся на фоне других действительно «великих» губ Онежского озера особыми размерами), стоит все же обратить внимание на этот факт и, возможно, найти ему в будущем более внятное объяснение.

Для подтверждения реконструкции полезно установить и ареальные связи топоосновы *āne-*. Помимо присутствия в северном Приладожье, она оставила след и в юго-восточном Обонежье. Здесь обращает на себя внимание название реки *Янсорка* (басс. Кемы), вытекающей из оз. *Янсорское*. Второй элемент *-сора* имеет детерминантное происхождение (*-сора* < *sar(a)* 'речка, приток'), а в первом можно видеть в адаптированном прибалтийско-финском, а затем русском виде саам. *ædnā* < *enē 'большой'. Причем есть основания полагать, что последняя в названии реки секундарна и распространилась в него из лимнонима, т.е. первоначально она характеризовала озеро (совр. *Янсорское*), являющееся действительно наиболее обширным среди окружающих незначительных по размерам лесных озер. На возможную первичность лимнонима указывает и то ландшафтно-географическое обстоятельство, что рядом с озером *Янсорским*, чуть ниже по течению реки, расположено оз. *Малое*, в котором можно видеть второй член характерного для топонимической системы тандема 'большой' – 'маленький' (ср. в вепсском Присвирье *Änjärv* и *Vähärv*, *Jändärv* – *Pičjärv*).

Аналогичные истоки могут быть свойственны и потамониму *Янишевка* – названию реки, впадающей с севера в Кемозеро и вытекающей из оз. *Янишевское*, или *Янишево*, рядом с которым расположено оз. *Малое*. Правда, при этимологии данного конкретного названия надо иметь в виду, что на восточном берегу озера располагалась дер. *Янишево* (ср. вепс. *jäniž* 'заяц'), название которой могло быть первичным по отношению к лимнониму. С другой стороны, в наименовании озера, являющегося, безусловно, самым крупным в микрорегионе, вполне естественно закрепление топоосновы, отражающей этот приметный и к тому же продуктивный в смысле топонимной номинации признак. Концовка *-иш-* в топооснове *яниш-* в таком случае может иметь как прибалтийско-финское, так и более раннее происхождение. В гидронимии Онежско-Белозерского водораздела фиксируется еще по крайней мере два примера, в которых основа *яниш-* может быть связана с первоначальным древним этимоном с семантикой 'большой'. Это бол. *Янишево* с вариантом *Великое*, а также оз. *Большой*, *Средний* и *Малый Яниш* в истоках р. *Яниш* (бассейн р. Базеги). Эту же основу в сочетании с оформляющим ее суффиксом заманчиво видеть в лимнониме *Янисъярви* (*Jänisjärvi*, *-järvi* 'озеро'), названии безусловно самого крупного озера северного Приладожья. Появление *j* может иметь разное объяснение, в том числе оно могло быть спровоцировано карельским диалектным воздействием, в соответствии с которым долгий саамский праязыковой *ee > *ää > *eä*, *iä*, или же карельский дифтонг восходит непосредственно к представленному в саамских говорах дифтонгу. В месте впадения протекающей через озеро р. *Янисъеки* (*Jänisjoki*, *-joki* 'река') в Ладожское озеро находится остров с названием *Janatsuaŕ*, второй элемент которого *suaŕ* значит 'остров', а в первом просматривается та же основа, что и в названии озера и реки, но с характерным карельским оформлением *-t* (< *-s*).

В ряду топонимов с предполагаемой древней основой саамского типа приведем еще острова *Северный* и *Южный Яни*, или *Янестрова*, безусловно самые крупные в Выгозере, название обширной губы *Вянегуба* (или *Янегуба*) на восточном берегу Выгозера, оз. *Янозеро* в верховьях р. Токши (басс. Водлы). Не исключено, что этот ряд может быть дополнен за счет некоторых лимнонимов с начальным *e-* (типа *Енрека* и др.) в силу присутствующего для русских говоров северного Белозерья процесса 'а > е, нивелирующего разницу между условно саамской (**enē-*) и прибалтийско-финской (**enā-*) основами. Видимо, дальнейшие поиски могут уточнить ареал основы, прежде всего его восточные гра-

ницы. Характерно, однако, что она отсутствует во внутренней Карелии, которую изоглоссы плавно огибают с юга и востока. Некоторые топонимические факты с территории центральной Карелии – ср. оз. *Eningilambi* (большое по размерам озеро, появление в названии которого *-lambi* ‘лесное озерко, ламба’ можно объяснить только расположением его непосредственно на берегу обширного озера Селецкого) в Сегозерье, р. *Eningid’ogi* в бассейне р. Лендерки, оз. *Enin(g)järvi* в окрестностях Ондозера и др., в которых основа оформлена формантом *-ngi*, свидетельствующим, видимо, о неприбалтийско-финских истоках основы, – кажется, можно рассматривать как примеры адаптации саамского *æ* (< *ε) в карельский как *e*.

Для топоосновы немаловажно, что традиция использования древнего уральского *enā* ‘большой’ была известна не только прибалтийско-финской и саамской топонимическим. Она бытовала и у других финно-угров. В частности, в мордовской топонимии известна р. *Инсар* (*ин-* < морд. *ине* ‘большой’, *сар* ‘ответвление, приток’¹). Целый ряд речных наименований с элементом *ин-* зафиксирован в бассейне Оки, в ареале современного и прежнего проживания мордвы, а также на сопредельной, бывшей мерянской территории, в том числе *Инелей*, *Иниляй*, *Инобожжа*, *Инокша*, *Инотынка*, *Инсара* и др.². К ним примыкает целый ряд сложных по структуре озерных наименований с элементом *-ero*, *-erke* ‘озеро’: *Инерка*, *Инорка*, *Инарка*, *Инорское*, *Инеры* и др.³. Арья Алквист считает возможным видеть древнюю уральскую основу *enā* в ее мерянском варианте и в целом ряде верхневолжских гидронимов, среди которых, в частности, оз. *Непо* (< *Inero), оз. *Нерон*, или *Мирон*, в котором, возможно, реконструируется древнее название оз. Плещеево, две реки под названием *Нерль* и др., в которых в связи с оттяжкой ударения на второй слог инициальный *i* исчез. В этом ряду названий больших озер, протянувшихся от Волги до Беломорья, находит себе место и название *Онежского озера*, самого крупного из них. Качество начального гласного *ä*- в *Änine* сближает гидронимную основу скорее с саамскими, нежели с волжскими или прибалтийско-финскими данными. Очевидно, звук, близкий саамскому праязыковому *ε, воплотившийся позднее в диалектных *eä*, *ie*, *æ*, *eä*, *jää*, *jie*, был усвоен в вепсское употребление как *ä*, что, кстати, укладывается в нормы адаптации, выявленные на основе анализа достаточно обширного круга саамских заимствований в финские говоры⁴. Согласно им саамский дифтонг передается в финских говорах через *e* и *ä*, при этом двойная возможность связана с тем, что в финских говорах отсутствует звук, абсолютно идентичный саамскому дифтонгу.

Возможность подобного двоякого усвоения надо иметь в виду, переходя к решению следующей проблемы, связанной с русским вариантом названия – *Онежское озеро*: почему прибалтийско-фин. начальному *ä* в русском варианте соответствует *о*, а, например, не *я*, как в гидронимах типа *Яндозеро* (< *Ändärv*)? Причину надо искать, во-первых, в разном времени усвоения: *Онежское озеро* относится к числу наиболее архаичных русских (т.е. русского употребления) географических названий на территории Российского Севера, когда в вепсском не развилось еще йотирование гласного переднего ряда в начале слова, спровоцированное длительным и активным русским воздействием, и, следовательно, появление *я* [*ja*] в русском варианте, фиксирующееся в значительно более поздних по времени адаптации гидронимах, было невозможно. С другой стороны, однако, известно, что в древнерусском языке *о* появлялось закономерно на месте заимствованного *e*, чему

¹ См.: Цыганкин Д.В. Память земли. Саранск. 1993. С. 120.

² См.: Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки: Список рек и озер. М., 1976. С. 325–326; Ahlqvist Arja – Merjalaiset – suurten järvien kansaa // Virittäjä. 1998. № 1. S. 41–42.

³ См.: Ahlqvist Arja – Merjalaiset – suurten järvien kansaa // Ibid. S. 39–40.

⁴ См.: Äimä Franz. Lappalaisia lainasanoja suomen murteissa // SUSA. 25. 1908. S. 51.

обнаруживаются примеры и в топонимии Присвирья: вепс. *Enaŕv* → рус. *Онозеро* → *Вонозеро*. Случаи же передачи приб.-фин. *ä* рус. *о* не зафиксированы¹, что, впрочем, не означает невозможности подобного развития. Круг прибалтийско-финских лексем с начальным *ä* достаточно ограничен, что уже само по себе делает вероятность попадания их в русское употребление минимальной. Если к этому добавить, что и семантически, судя по данным СВЯ, эти слова не представляют тех групп лексики, которые обычно заимствуются, то выявление закономерностей в отражении приб.-фин. *ä* в русских говорах в древнерусский период действительно затруднительно. Может статься, что *Äniž* – *Онежское* один из редких (если не единственный) примеров проявления адаптационной закономерности. Последняя, кстати, выглядит вполне оправданной в контексте артикуляционной близости фонем *e* и *ä*: ср. упомянутую выше передачу саам. *æ* в финских говорах через *e* или *ä*, а также сосуществование в вепсских говорах фонетических вариантов *äi* ~ *ei* ‘много’, *äipäi* ~ *eipäi* ‘пасха’, *äjäk* ~ *ejäk* ‘сколько’, в топонимии Присвирья *Äim(ä)jogi* ~ *Eimjogi*. Исходя из отражения приб.-финского *e* в древнерусском через *о*, а также из близости в звучании приб.-фин. *e* и *ä*, логично предполагать, что и *ä* заимствований передавалось через *о*. Так приб.-фин. основа *äniž* породила др.-рус. *онеж*-. Надо полагать, что основа *онеж*- первична – как это ни парадоксально с точки зрения русского формообразования – по отношению к *онег*- (*Онего*), которая возникла как недостающее звено на фоне пар типа *Ладога* – *Ладожское озеро*, *Волга* – *Волжский*.

В заключение отметим, что следы некой фонетической ареальной дистрибуции, намечающейся на основе анализа топоосновы, породившей название Онежского озера, прослеживаются, кажется, и на других топоосновах. В Присвирье фиксируется *Päljäv* ~ *Päl'arv* на вепсской территории, р. *Пялица* ~ *Пяльица*, р. *Пялья* в смежных обрусевших районах, а также оз. *Päl'ärvi* (*Пяльозеро*), *Pälärvi* (*Пялозеро*) в людиковском Обонежье, низовьях р. Суны. Видимо, к ним примыкает *Pelajäv* ~ *Pelojäv* (оз. *Пелушское*) на верхней Лиди, в ареале расселения южных вепсов, где, видимо, отражается отмеченное уже колебание *ä* – *e* в вепском ареале (при преимущественном *ä*). Все приведенные здесь гидронимы называют водные объекты, расположенные непосредственно сбоку, с краю от основной водной магистрали, что позволяет предполагать в качестве этимона саам. *bæl'lje* ‘ухо’. В таком виде (т.е. с *ä*) основа не известна за северо-западными пределами Обонежья, т.е. во внутренней Карелии. Возможно, эквивалентом здесь выступает модель *Pieljävri*, *Pielusjävri*, *Pielisjävri*. Поскольку это наименования достаточно крупных озер, есть основания полагать докарельские корни их наименований, а появление дифтонга *-ie-* может быть вызвано как спецификой фонетической адаптации, так и свойственным для топонимии сближением со своим карельским *pieli* ‘край, бок, косяк’, *pielus* ‘подушка’², возможно, кстати, имеющим общие истоки с саам. *bæl'lje*³. В свою очередь, за южными пределами Обонежья, в регионе Верхневолжья, в основе засвидетельствована гласная *i*, ср. р. *Пула*, *Пулеса*, которые могут быть сопоставлены с морд. *pīle*, *pilä*, мар. *päläš* ‘ухо’, имеющим, очевидно, единые истоки с саам. *bæl'lje*⁴.

¹ См.: *Kalima Jalo*. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki. 1919.

² Ср. аналогичный процесс в представленном выше приладожском *Jänisjävri*, где, по нашему предположению, древняя саамская топооснова, для карел этимологически темная, была сближена с карел. *jänts* ‘заяц’.

³ См.: *Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja* 1–3. SKST 556. Helsinki 1992–2000.

⁴ См.: *Ibid.*